

«ЕСЛИ я тебя придумала, стань таким, как я хочу», — модным контрольно поет Эдита Пьеха. Песенка очень нравится ребятам от двадцати до тридцати и уже не ребятам от тридцати до сорока. Если такая милостивая женщина решит тебя придумать, то она придумает, наверное, как-то интересно: голубым рыцарем на белом коне, веселым песнопевцем с гитарой в руках, центральным падающим сборной... «Придумай меня, — гремят аплодисменты. — Придумай поскорей!» Между тем я не открою Америк, если скажу, что придумывать людей плохо.

Три года назад в нашей газете была напечатана статья о спектакле Львовского театра юного зрителя имени Горького «Все это не так просто». Спектакль поставил дебютировавший в качестве режиссера молодой артист Роман Виктюк. Лиха беда — начало. С тех пор о Виктюке и говорили и писали много. Спектакль за спектаклем, рецензия за рецензией. Прогнозы, пророчества, звонкие эпитеты — все это как будто подтверждало правдивость трогательных историй о художниках, которые после многих лет труда в один прекрасный день просыпались знаменитостями. Перевернул очередной листок календаря — и сразу же наступила слава.

Рецензенты оспаривали право считать первооткрывателями молодого таланта. Потом так же внезапно вокруг имени Виктюка воцарилось молчание. Он, как и раньше, ставил спектакли. Но эти спектакли уже не вызывали таких неумных восторгов. И более того: часть преданных в прошлом друзей внезапно оказалась в лагере ниспровергателей.

Около года назад в «Комсомольском знамени» была напечатана статья, которая звучала как предупреждение: не надо чрезмерных эмоций, не надо небрежно обращаться с прилагательными превосходных степеней и талонами на лавр для венков. Виктюк, писала газета, очень способный человек, но ему еще придется яемерно поработать над собой, чтобы стать настоящим режиссером, способным говорить со зрителем серьезно, предметно и вдумчиво. К сожалению, это был одинокий голос. А, возможно, будь он тогда услы-

шан, сегодня о судьбе Львовского молодежного театра имени Горького приходилось бы говорить с меньшей тревогой.

Вспомним недавнее прошлое. Спектакль «Все это не так просто» действительно многих во Львове приятно удивил. Пьеса сама по себе вряд ли заслуживала доброго слова. Назвать ее откровенной подделкой нельзя, но и серьезной драматургической работой — тоже. Но Р. Виктюк сумел интересно ее поставить.

Вдруг ни с того ни с сего поставил «Фабричную девочку» — великолепную пьесу пятидесятых годов, имеющую точную привязку ко времени. Репертуар театра, мягко говоря, оставлял желать лучшего. В нем было много случайного, непродуманного. Абсолютно отсутствовала современная тематика. Более того, спектакли, поставленные Р. Виктюком, не выглядели чем-то внутренне связанным, звеньями одной цепи. Трудно

театр имени Горького группу своих воспитанников — бывших участников драматической студии при Львовском Дворце пионеров. Возможно, именно поэтому при выборе репертуара его больше волновали не режиссерские «сверхзадачи» и даже, порой, не зритель, а тот простой факт, есть ли в пьесе роль для Вали или Люси, Юры или Клары. И часто не столько о себе он думал, сколько о своих подо-

ном стало полегче. Можно и порадоваться. Но отчего же тогда не радуется Виктюк? Отчего он, как насадка, бережет своих питомцев от косого взгляда, от чужого влияния и даже ревливо следит за тем, чтобы все споры, все беседы велись в его присутствии?

Я вовсе не намерен захваливать Р. Виктюка. И также далек от мысли утверждать, что он во всем был прав. Могу сказать, что частенько Виктюк вел себя как-то излишне принципиально в неприципиальных вопросах и неприципиально — в принципиальных. Подчас выглядел излишне суетным, бросающимся из крайности в крайность. То толковал о пьесе об Эдит Пиаф, то вслух мечтал о постановке пьесы по стихам украинских поэтов и даже уговорил известного киевского писателя взяться за такую пьесу. Так же вдруг, внезапно, остыл. И поставил идилию по повести Б. Балтера «До свидания, мальчики».

Какова же платформа, какова сверхзадача Виктюка как режиссера? Что именно он проповедует и что отвергает? Он ставил спектакли, иногда — спектакли неплохие, но режиссером в полном смысле слова еще не был. Он успел стать квалифицированным специалистом и модным постановщиком — иллюстратором чужих идей, но еще не познал той, может быть, самой главной в жизни каждого режиссера минуты, когда режиссер вдруг понимает, что, кроме желания поставить очередной спектакль, в нем живет еще одно могучее и страстное стремление — сообщить зрителю нечто важное, нечто известное только ему и никому другому.

Если говорить совершенно честно, то спектакли Р. Виктюка были лишь своеобразными заявками на нечто большее. Сначала одна заявка, потом вторая, третья... шестая. Это что — затянувшийся период становления или же Виктюк своим первым спектаклем сказал уже все, что хотел сказать?

На все эти вопросы ответит время. Ни вы, ни я, ни сам Виктюк научно аргументированного разъяснения по этому

поводу дать не можем. Пока ясно одно: Роман Виктюк — режиссер способный.

И вот этот способный режиссер уже несколько месяцев ничего не ставит, ни над чем не работает. Постепенно забывают о нем газеты. Последняя новость: Виктюк собирается уезжать из Львова. Все это как-то грустно и даже необъяснимо. Да и сам Виктюк не весел. Что-то пошло в жизни не так, что-то не удалось, где-то недотянул, где-то недоработал.

Послушайте, а ведь на самом деле Виктюк во всей этой истории — сторона потерпевшая. Не он писал о себе рецензии, не он называл себя талантливым режиссером, не он выдавал себе громкие авансы — это сделали за него другие. И эти другие теперь, почувствовав, что их предсказания сбываются не так быстро, как того хотелось бы, слегка раздражены увлекшимся и непоследовательным Виктюком. А почему не поискать непоследовательности в собственных словах и действиях? Тоже полезное занятие. Вот уж воистину: не сотвори себе кумира! «Если я тебя придумала, стань таким, как я хочу...» Очень мило! Но уж лучше имей дело со мной таким, какой я есть.

Между тем, по моему глубокому убеждению, Роман Виктюк выполнил ту основную задачу, которую ставил перед собой. Он помог шести молодым артистам, вчерашним школьникам, сделать в театре первые шаги и сыграть первые роли. Кроме того, он подошел вплотную к своей собственной главной работе. В его блокноте — интересные замыслы и разработки будущих спектаклей. Возможно, это будут очередные заявки (которые все же во сто крат полезнее серых и традиционных спектаклей), а, возможно, придет, наконец, время сказать и о рождении режиссера.

Три года назад «Комсомольское знамя» впервые рассказало читателям о молодежной группе во Львовском театре имени Горького. И нам хочется верить, что в будущем нашим читателям еще предстоит узнать о новых успехах этих ребят.

Н. САМВЕЛЯН.

г. Львов.

НЕПРИДУМАННЫЙ ВИКТЮК

Спектакль шел в хорошем темпе, с некоторой «столичной» лихостью, что для Львова было внове. Вместо помпезных натуралистических декораций — экономная графика. Ушло и стремление даже в деталях вести себя на сцене, «как в жизни». И именно возвращение театру элементов условности, элементов театральности было привлекательным. Но было ли это новаторством по сути? Открывал ли Виктюк что-то свое, что-то до него не открытое, не замеченное? Нет, вряд ли. Да он и сам это отлично понимал. Многие из того, что делалось на сцене во Львове, уже было в других театрах. Объявлять спектакли Виктюка новым словом в искусстве, пожалуй, не следовало. Но и обвинений в явной компилятивности он не заслужил. Правильнее было бы назвать его последователем модных режиссеров, последователем способным, не слепым, у которого есть все возможности со временем обрести и собственное творческое лицо.

Сказка «Когда взойдет месяц» — вторая работа режиссера. Потом пошла «Фабричная девочка», «Город без любви», «Дон Жуан» Алешина... Для меня и по сей день загадка, почему Р. Виктюк

было отделаться от ощущения, что Р. Виктюк в каждом случае ставит перед собой частные и специфические задачи. Речь шла не о том, что, для кого и как играть, а просто о выборе той или иной манеры.

На свете немало режиссеров, которые начинают свою жизнь на сцене с выбора гражданской и общественной позиции, которые идут скорее не из глубин театра, а из глубин жизни. И они приносят с собой в храмы искусства умение говорить со зрителем на самые животрепещущие темы. Они прививают театру вкус к «моменту», к проблеме сегодняшнего дня.

А бывают и другие хорошие режиссеры. Они, возможно, не трибуны, не публицисты, но обладают педагогическим тактом, умением помочь актеру «раскрыться», обрести себя. У таких режиссеров не очень уж много оригинальных спектаклей, зато с их легкой руки рождается множество оригинальных актеров. И гениальность Станиславского или Брехта в том, что они сумели стать и крупнейшими режиссерами, и крупнейшими педагогами.

И вот теперь мы подошли к самому главному. Дело в том, что Виктюк обещал стать хорошим педагогом. Он привел в

печных. Он считал, что надо дать ребятам время наиграться, «укрепить в кости». Он пытался уберечь их от участия в спектаклях других режиссеров. И, возможно, с точки зрения педагога был прав.

Он с трепетом ждал приезда каждой очередной комиссии из столицы: как бы эта комиссия своими выводами не сбита с толку ребят. Слишком похвалит — ребята зазнаются. Слишком разругают — падут духом. Короче, речь шла о студии в театре. Но ведь эта студия официально не именовалась студией. И, естественно, та большая воспитательная работа, которую Р. Виктюк все же проводил, порой противоречила планам театра. В. Шестопалов, Ю. Копосов, Л. Петруленкова, Я. Юхницкий, С. Зекина — для Виктюка были двадцатилетними людьми, решившими учиться мастерству актера. Для администрации же театра — артистами, получающими зарплату.

Известно, что артист на то и артист, чтобы играть на сцене. В условиях ТЮЗа — играть много, играть ежедневно. И ребята разучивали роль за ролью, хотя все это очень и очень не нравилось Виктюку. Он становится все непримиримее. Он боролся за студию. А театр жил своей жизнью, своими буднями. Зрителей стало побольше. С пла-